

Зайцева Юлия Владимировна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Правоохранительная

К вопросу о принудительных мерах воспитательного воздействия

Аннотация. Принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ) остаются ключевым инструментом гуманизации реагирования на преступность несовершеннолетних и одновременно одним из наиболее проблемных институтов по критериям правовой определенности и исполнимости. В статье систематизируются основные пробелы российской модели ПМВВ (содержание, сроки, основания отмены и замены мер, критерии «возможности исправления») и предлагаются направления их устранения. Проведен сопоставительный анализ отдельных решений, применяемых в зарубежных правовых порядках, с выделением механизмов, потенциально применимых в российской практике.

Ключевые слова: несовершеннолетние; уголовная ответственность; освобождение от уголовной ответственности; принудительные меры воспитательного воздействия; профилактика.

Институт ПМВВ в современной уголовно-правовой политике выполняет двойственную функцию, с одной стороны, он реализует принцип гуманизма и приоритет воспитательного воздействия применительно к несовершеннолетним, с другой должен обеспечивать достижение целей предупреждения повторной преступности и социальной реадaptации подростка. Однако эффективность ПМВВ напрямую зависит от качества нормативной конструкции и от того, насколько механизм их исполнения «сшит» с профилактическими, пробационными и социальными программами.

В российской модели ПМВВ законодательно закреплены виды мер и раскрыто их содержание, при этом сохраняется отсутствие легального определения и целей ПМВВ, неполнота регулирования сроков по отдельным мерам, неопределенность критериев «исправления без наказания», а также слабая процедурная регламентация отмены/продления/замены мер при уклонении. Эти дефекты неоднократно фиксируются в современной доктрине. Так, указывается на отсутствие в УК РФ понятия и целей ПМВВ, неконкретизированность отдельных сроков, отсутствие внятной регламентации отмены и продления, а также терминологическую неопределенность.

Институт принудительных мер воспитательного воздействия в российском уголовном праве традиционно позиционируется как инструмент приоритетного воспитательного реагирования на преступность несовершеннолетних при одновременном соблюдении принципов гуманизма и экономии уголовной репрессии. Устойчивость и эффективность данного института во многом предопределяются степенью его нормативной определенности, при отсутствии легального определения, четко сформулированных целей и единообразных критериев применения усиливается риск разнонаправленной практики и снижается прогнозируемость правовых последствий для несовершеннолетнего и его законных представителей. В частности, обращается внимание на то, что действующее регулирование не содержит закрепленного в законе понятия и целей мер воспитательного воздействия, а также допускает неоднозначность в вопросах сроков и процедурной «развязки» ситуации уклонения от исполнения назначенной меры, что в целом препятствует формированию единообразного стандарта правоприменения [4, с. 439].

Правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия выявляется через их функциональную направленность и через специфику юридических последствий. В научной литературе последовательно акцентируется, что эти меры не должны подменять наказание и не ориентированы на возмездие как доминирующую цель; напротив, они логически связаны с идеей коррекции поведения и профилактики повторной

преступности посредством социально-воспитательных механизмов. В этой связи существенное значение приобретает разграничение мер воспитательного воздействия как реакции, основанной на признании повышенной восприимчивости несовершеннолетнего к воспитательному влиянию, и наказания как формы карательного воздействия, в которой восстановление справедливости и специальная превенция выступают в качестве центральных ориентиров. Подход к несовершеннолетнему как к субъекту «повышенной охраны», требующему специфических средств регулирования, раскрывается и в современной диссертационной литературе, где обосновывается междисциплинарный характер механизмов, применяемых к несовершеннолетним, и подчеркивается отличность целей и методов такого регулирования от общих целей наказания [2, с. 146].

Ключевой проблемой применения принудительных мер воспитательного воздействия остается оценочный критерий «возможности исправления без наказания». Его неопределенность приводит к тому, что одинаковые по фактическим обстоятельствам деяния могут порождать различные правовые последствия в зависимости от того, какие обстоятельства личности и социальной среды несовершеннолетнего признаются судом значимыми и как именно они отражаются в мотивировке. Без нормативной конкретизации целей и основания применения мер воспитательного воздействия затрудняется выработка единого подхода к индивидуализации, а также повышается риск формализации назначения мер, когда оценка перспектив исправления подменяется общими ссылками на возраст и отсутствие тяжких последствий [1, с. 18].

На практике эффективное применение принудительных мер воспитательного воздействия предполагает не только выбор соответствующей меры, но и наличие работающего механизма ее исполнения. В научных исследованиях последовательно отмечается, что слабая процедурная регламентация исполнения и реагирования на нарушения режима фактически снижает принудительный и воспитательный потенциал мер, поскольку не формируется понятная адресату «траектория последствий» при уклонении или

ненадлежащем выполнении возложенных обязанностей. В российской модели это проявляется в том, что нормативная конструкция, закрепляющая виды мер, не сопровождается в достаточной степени детализацией межведомственного сопровождения и алгоритмов контроля, а потому фактическая исполнимость мер оказывается зависимой от региональных практик и ресурсных возможностей профилактических субъектов. Наличие межотраслевой природы механизма исполнения и необходимость сопряжения уголовно-правовых решений со средствами административно-правового и организационного характера выделяются и в диссертационных исследованиях, где подчеркивается, что на стадии назначения действуют уголовно-правовые нормы, тогда как на стадии реализации существенную роль начинают играть иные правовые и организационные регуляторы, влияющие на реальный эффект применяемых мер [2, с. 148].

Существенным представляется вопрос о том, каким образом должна быть обеспечена индивидуализация принудительных мер воспитательного воздействия и их соразмерность реальным возможностям исполнения. В условиях, когда допускается одновременное назначение нескольких мер, повышается риск «нормативной перегрузки» несовершеннолетнего формальными обязанностями без обеспечения коррекционной программы, ориентированной на причины противоправного поведения и социальные дефициты. Доктринально обоснованной выглядит позиция о необходимости связывать выбор и содержание мер с оценкой семейной ситуации, наличия устойчивого учебного или трудового маршрута, влияния ближайшего окружения и иных факторов ресоциализации, поскольку именно комплексность сопровождения определяет вероятность устойчивого изменения поведения.

Диссертационные выводы о том, что цели и средства регулирования в отношении несовершеннолетних должны учитывать особую роль личности и ее криминологические характеристики, а также должны быть ориентированы на исправление и общую превенцию при минимизации репрессивных элементов, выступают методологически значимыми для разработки стандарта

индивидуализации принудительных мер воспитательного воздействия [2, с. 150].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в правопорядках, где принудительные меры воспитательного воздействия обладают большей прикладной результативностью, достигаемый эффект обеспечивается наличием устойчивой системы контроля и сопровождения, приближенной по своей логике к пробационным моделям. Институциональная «поддержка» назначения мер посредством механизмов контроля и разъяснений высших судебных инстанций существенно влияет на управляемость исполнения, а также позволяет смещать акцент с формального назначения меры на реализацию индивидуальной программы коррекции поведения. При этом в исследовании подчеркивается, что сравнительное изучение норм и правоприменительных подходов выявляет потребность в четком разграничении оснований освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и применения мер воспитательного воздействия, поскольку конкуренция режимов порождает правовую неопределенность и усложняет практическую реализацию цели воспитательного воздействия [3, с. 186].

Российская модель принудительных мер воспитательного воздействия по своей целевой направленности сопоставима с подходами Республики Казахстан и Республики Беларусь, поскольку во всех трёх правопорядках меры рассматриваются как альтернативная наказанию форма уголовно-правового реагирования на преступность несовершеннолетних, ориентированная на коррекцию поведения и предупреждение повторной преступности. Общность проявляется также в нормативном закреплении базовых форм воспитательного воздействия и в признании допустимости освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности при выводе о достижимости исправления без назначения наказания. В то же время различия концентрируются преимущественно в степени процедурной и институциональной определённости исполнения, казахстанское регулирование закрепляет меры воспитательного воздействия как самостоятельный инструмент и тем самым демонстрирует более «управляемую» модель назначения и реализации, тогда

как белорусское регулирование формирует более жёсткую связку воспитательных мер с механизмами их организационного обеспечения, что снижает пространство для вариативного толкования по сравнению с российской практикой.

В контексте совершенствования российской модели представляется методологически оправданным движение в направлении большей нормативной определенности, прежде всего через закрепление целей и содержательных ориентиров принудительных мер воспитательного воздействия и через формирование требований к мотивировке решений о возможности исправления без наказания. На уровне доктрины аргументируется, что система принципов регулирования в отношении несовершеннолетних должна обеспечивать единство правотворческой и правоприменительной деятельности и включать гуманизм и экономию репрессии как системообразующие начала, однако в отношении несовершеннолетних эти начала наполняются «особым» содержанием вследствие повышенной восприимчивости к воспитательному влиянию и необходимости правозащитного подхода. Подчеркивается, что именно гибкость и адаптивность принципов при сохранении общей направленности уголовной политики обеспечивает устойчивость механизма освобождения и применения мер некарательного характера, а значит, позволяет достигать профилактических целей без чрезмерной репрессивности.

Повышение эффективности принудительных мер воспитательного воздействия логически связано с созданием прозрачного механизма реагирования на нарушения режима, который должен быть ориентирован на корректировку поведения и обеспечение исполнимости, а не на автоматическую эскалацию к наказанию без учета причин неисполнения. В научных исследованиях подчеркивается необходимость согласования уголовно-правового решения с ресурсами сопровождения и контролем исполнения, поскольку в противном случае мера утрачивает практическое содержание и превращается в формальный акт. Отмечаемая межотраслевая природа механизмов, применяемых к несовершеннолетним, усиливает актуальность разработки согласованных процедур взаимодействия субъектов профилактики

и контроля, поскольку именно они в конечном счете определяют, будет ли воспитательное воздействие реальным, устойчивым и индивидуализированным [5, с. 228].

ПМВВ объективно являются необходимым и социально оправданным институтом уголовно-правового реагирования на преступность несовершеннолетних, однако их эффективность в российской модели сдерживается недостаточной правовой определенностью, слабой процедурной регламентацией исполнения и неоднородностью критериев индивидуализации. Зарубежные подходы демонстрируют, что результативность воспитательных мер обеспечивается устойчивой системой исполнения, специализированные процедуры, межведомственное сопровождение, контроль, восстановительные практики и понятные последствия нарушений режима.

Представляется целесообразным реформирование российской модели ПМВВ по четырем направлениям: закрепление определения и целей; стандартизация критерия «возможности исправления» и мотивировки; процедурная ясность отмены/замены/продления и градация нарушений; институционализация пробационно-профилактического сопровождения. Реализация указанных мер позволит повысить исполнимость и превентивный эффект ПМВВ при сохранении гуманистической направленности и гарантий прав несовершеннолетних.

Литература

1. Лаптев Д.Б. Акцессорные уголовно-правовые меры: автореф. ... дис. д-ра юр. наук: спец. 5.1.4. – Москва, 2024. 47 с.
2. Талан М.В., Нагорнов К.И. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, совершившим запрещённые уголовным законом деяния: компаративное исследование казахстанско-российского опыта // Право. 2022. № 1. С. 143-154.
3. Терентьева В.А. Правовой режим освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания: дис. ... д-ра юр. наук: спец. 5.1.4. – Курск, 2025. 439 с.

4. Рыбакова Т.И. Понятие и виды принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних // Вопросы российской юстиции. 2024. № 45. С. 436-449.

5. Махина С.Н., Завьялова И.С. Об отмене принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2021. № 2. С. 222-231.

@Бюллетень магистранта 2026 №1